

1. Гагиева А. К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII века : дисс...канд. ист. наук. Сыктывкар, 1987. НА Коми НЦ УрОРАН.ф. 5 оп. 2, д. 401.
2. История Коми с древнейших времен до конца XX века : в 2-х т. Т. 1. Сыктывкар : Коми книжн. изд-во, 2004.
3. Мацук М. А., Шаньгина В. В. Торговля и пути сообщения в Коми крае в XIX веке. Сыктывкар, 1996.
4. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, К. И. Зубков и др.; Ин-т истории и археологии. Екатеринбург : Банк научной информации, 2011.
5. Российский Государственный Архив Древних актов (РГАДА) Ф. Яренская воеводская канцелярия (609). Оп. 1.
6. РГАДА Ф. Берг Коллегия (271) Оп. 1.

О. В.Золотарев

О советском периоде истории интеллигенции

УДК 93

В статье рассматривается советский период истории интеллигенции. Анализируются особенности мировоззрения советской интеллигенции. Выявляются исторические и социальные основания для особой роли и ответственности интеллигенции

Ключевые слова: интеллигенция, советская интеллигенция, интеллигенция и власть, мировоззренческие ориентиры.

O. V. Zolotarev On the soviet period of the history of intelligentsia

The article considers the soviet period of the history of intelligentsia. The world view of the soviet intelligentsia analyzed. The historic and social bases for the special role and responsibility of the intelligentsia are revealed.

Key words: intelligentsia, soviet intelligentsia, intelligentsia and the authorities, world view key points.

Отношение к советскому периоду истории в сегодняшней России весьма различно. Однако нельзя отрицать тот факт, что XX век в истории России — это эпоха прорыва, крупного подъема. Нельзя забывать и о том, что одна из важнейших проблем исторической науки — проблема преемственности в истории. Историю нельзя уложить в рамки политического устройства. Поэтому к советскому периоду истории надо относиться как к весьма важному, неотъемлемому временному промежутку истории нашей страны. Надо помнить, что российская история целостна и непрерывна. Помимо этого, надо учитывать и тот факт, что Октябрьская революция была и гигантским социальным экспериментом, и порывом к свободе [5, с. 5].

А идеи социальной справедливости, что проповедовались революцией, не могли не привлекать образованных и порядочных людей в России [7, с. 27], т. е., прежде всего, интеллигенцию. Однако несмотря на это, советская эпоха характеризовалась весьма непростыми отношениями власти с интеллигенцией. На эти взаимоотношения серьезное влияние оказывали как обстоятельства частной жизни, так и политическая ситуация.

Особенно сложным взаимодействие власти и интеллигенции было в начальный период существования коммунистической власти. Во многом это объяснялось неоднородностью интеллигенции в политическом плане, соотношение группировок внутри интеллектуального слоя быстро менялось. К тому же немалая часть мыслящей элиты (и не только элиты) все же, несмотря на привлекательность идей социальной справедливости для интеллигенции, негативно восприняла приход большевиков. В. И. Ленин в этой связи отмечал: «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти» [7, с. 132]. Интеллигенция не могла понять сущности новой власти и испытывала страх перед «грядущим хамом» — революционным народом. Ситуация осложнялась и тем, что у значительной части представителей правящей партии было развито «махачевское» отношение к интеллигенции, в интеллигенции видели практически один из эксплуататорских классов. Конечно, само руководство партии, в отличие от рядовых членов, прекрасно понимало, что без знаний и навыков буржуазных специалистов будет невозможно поднять хозяйство, что заставляло думать об обеспечении хотя бы относительной лояльности интеллектуалов новой власти. Для этого

важно было избежать консолидации различных слоев интеллигенции, требовалось обеспечить возможность замены нужных специалистов, если возникнет опасность их сопротивления или саботажа. Именно поэтому режим все же пытался бережно относиться к представителям умственного труда и старался обеспечить их поддержку созданием выгодных для специалистов условий, не без основания полагая, что жизнь неминуемо приведет основную часть интеллигенции в союзники большевиков. В. И. Ленин требовал, чтобы «спецам, как особой социальной прослойке... жилось при социализме лучше, чем при капитализме, в отношении материальном и правовом» [8, с. 351]. Тем более что сделать это было несложно — численность интеллектуального слоя была в тот период относительно невелика.

Положение осложнилось в нэповский период. Переход к нэпу был воспринят частью интеллигенции как начало изменения Советской власти, ее дрейфа в сторону демократии (именно эти настроения породили течение сменовеховства). В то же время в процессе обеспечения народного хозяйства квалифицированными работниками обострились две важные проблемы: во-первых, отношение к старой интеллигенции (оно было в целом все же враждебным). И, во-вторых, потребность в специалистах, которая росла по мере развития народного хозяйства. Невозможность полностью удовлетворить нужду в кадрах путем привлечения дореволюционной интеллигенции вынудила власти (надо помнить и о политической стороне этой проблемы) поставить задачу создания новой социалистической интеллигенции из крестьян и рабочих, интеллигенции, которая была призвана обслуживать нужды общества на новом этапе развития.

Таким образом, уже в первые послереволюционные годы мы наблюдаем в Советской России четкое разделение интеллигенции по идеологическому признаку: на старую и новую. При этом старая интеллигенция, получившая свою подготовку еще до 1917 г., хоть и преобладала численно, но была в политическом плане пассивна: ее активная часть либо эмигрировала, либо погибла в ходе Гражданской войны. Она даже и не думала о какой-либо оппозиции режиму, хотя и в своем большинстве не принимала новый строй. Негативное отношение к власти не мешало сотрудничеству с ней.

Потребность в интеллектуальном труде определила и весьма четкий дифференцированный подход в вопросах материального обеспечения интеллигенции: труд нужных властям технических специали-

стов уже в нэповский период начинает хорошо оплачиваться. Высококвалифицированные инженеры получают на производстве в 5–6 раз больше рабочего, а вот, например, учительские оклады — в 2–3 раза меньше заработной платы рабочего. Реальная зарплата ученых в этот период не дотягивает и до половины дореволюционной [10, с. 382]. Такая политика властей вела к тому, что в рядах старой интеллигенции, утратившей свое место в обществе, наметилось расслоение по социальному признаку. Произошло выделение «специалистов» («спецов»). Это были интеллектуалы, продолжавшие работать по своей профессии (в основном по технической специальности). Они были просто нужны власти, ибо их было некому заменить. Но их относительное благополучие было крайне неустойчивым: они осознавали, что власть их только терпит, пока не подготовлена достойная смена из числа преданных коммунистической идеологии новичков. «Спецам» была противопоставлена категория «бывших». Это представители профессий, чья актуальность была потеряна при смене общественного строя. К ним можно отнести и представителей враждебных для новой власти слоев и тех, кто был переменаами отброшен в число деклассированных элементов. Можно говорить о том, что в этот период «функции представителей интеллектуальных профессий свелись к функции носителей прежде всего технических знаний» [2, с. 125].

А вот численность новой интеллигенции была невелика, хотя ее ряды быстро росли за счет части интеллектуалов, сформировавшихся еще до революции, для которых новый режим виделся привлекательнее старого. Кроме того, этот слой стал стремительно расширяться за счет выдвиженцев из молодежи, из рабочих и крестьян. Надо заметить, что студенчество основных технических и экономических институтов в тот период формировалось из рабфаковцев на 80–90 %. Таким образом, рабфаковцы в плане пополнения рядов интеллигенции становятся основным источником. Это объяснялось тем, что новое поколение прочно усвоило марксистские ценности и взгляды (что для власти было чрезвычайно важно).

Подчеркнем, в первое десятилетие советского режима противопоставление старой и новой интеллигенции прослеживалось достаточно четко. Здесь критерием была партийность: новый интеллектуальный слой состоял из членов ВКП(б) и комсомола. Однако постепенно и из старой интеллигенции выделяется категория беспартийных, готовых сблизиться с новой интеллигенцией.

Именно новая интеллигенция в нэповский период численно быстро росла. И это отвечало чаяниям власти. Ведь режим стремился создать новый средний слой за счет рабочих [1, с. 119]. Но роль специалистов в развитии экономики оставалась решающей, что вынуждало к лояльному отношению к старой интеллигенции. Впрочем, обострялось и противостояние старой и новой интеллигенции: выдвиженцы отмечали в старых специалистах идеологическую отсталость, а старая видела худшую профессиональную подготовку новых интеллигентов.

Между тем, несмотря на все старания большевиков привлечь на свою сторону старых интеллектуалов, среди них по-прежнему сохранялось настороженное отношение к новой власти. И это не могло не вызывать определенный скептицизм партийных руководителей — большевистские лидеры полагали, что только рабоче-крестьянская интеллигенция в скором будущем может стать их надежной опорой. Ее социальное происхождение будет гарантией не только близости рабочему классу, но и верности Советской власти. Забегая вперед, заметим, что позднейшие события показали ошибочность подобных умозаключений, однако тогда, не сумев добиться ясно выраженной поддержки у старой интеллигенции, большевики, создавая пролетариев умственного труда, думали, что новая интеллигенция постепенно вытеснит старую. Данными настроениями и была обусловлена волна репрессий в отношении старой, буржуазной интеллигенции в начале 1930-х гг.

Началось все с действий против бывших. Затем давление режима на старую интеллигенцию распространилось и на «спецов». Власть пыталась ликвидировать особый интеллектуальный слой, настроенный критически к режиму, органически не принимавший новых ценностей. Она видела, что ряды новых интеллектуалов значительно выросли, и полагала, что ликвидация старой интеллигенции уже не нанесет особого ущерба. Развернувшаяся кампания имела и иную цель: сделать хотя бы часть старого интеллектуального слоя полностью советским. Этим и объясняется ее поддержка лояльной старой беспартийной интеллигенции.

Однако в середине 1930-х гг. характер режима меняется. Был взят курс на национально-государственное выживание Советского Союза, в рамках его проводилось широкое общественное и политическое реформирование страны. В действиях сталинской группировки все

больше проглядывались национально-государственные, а не идеологические тенденции. Для сторонников сталинской линии опасность происходила уже отнюдь не от старой интеллигенции, а от новой номенклатуры и новой интеллигенции. Именно против этой группы и было направлено острое репрессий конца 1930-х гг.

Меняется и отношение к интеллигенции. Исчезает категория «лишенцев», устраняются привилегии рабочих и крестьян при поступлении на учебу, снимаются ограничения на прием интеллигенции в партию. Хотя можно говорить и об усилении идеологического контроля над деятельностью интеллигенции. Но в целом различия между старой и новой интеллигенцией практически исчезают. Это связано как с уходом старой интеллигенции от активной деятельности (просто в силу возраста), так и возрастанием лояльности интеллигенции в целом по отношению к режиму.

Немалое значение имело и то, что постепенно партийные лидеры осознавали важность позиции интеллектуальных кругов в деле укрепления власти. И. В. Сталин подчеркивал: «Ни один класс не может удержать власть и руководство государством, если не сумеет создать собственной интеллигенции, то есть людей, которые отошли от физического труда и живут умственным трудом». И предостерегал от пренебрежительного отношения к интеллигенции: «У нас часто бывает так: работал рабочий у станка, потом пошел учиться, стал образованным человеком и к нему сразу пропало всякое уважение. Я считаю, что это дикость. При таких взглядах мы можем действительно загубить государство, загубить социализм». И. В. Сталин постоянно акцентировал внимание на том, что новая, социалистическая интеллигенция, которая неизбежно придет на смену буржуазным специалистам, не может не быть интеллигенцией рабочего класса, его классовым отрядом работников умственного труда [12, с. 164].

Помимо этого, осознание важности повышения культурного уровня народа для обеспечения успеха индустриализации привело к усиленному вниманию властей к развитию школы и образования. И. В. Сталин задачу повышения образованности молодого поколения определил, как «некоторый фундамент для того, чтобы сделать через некоторое время всех рабочих и крестьян интеллигентами... Тогда мы будем непобедимы» [12, с. 166]. Эти мысли вылились не только в простую и эффективную сталинскую образовательную реформу, но и в серьезное повышение уровня материальной обеспеченности совет-

ской интеллигенции. В итоге происходит формирование и значительный численный рост новых социальных групп с широким образованием. Идет и своеобразная статусная революция, усиление социального и идеологического расслоения, не исключавшая, впрочем, нормализации социального климата и придания устойчивости режиму [6, с. 11].

Военное время только усилило сближение партии и интеллигенции. Власть, преследуя свои цели, становилась все ближе старой интеллигенции. Последней импонировало обращение к патриотизму, возвращение к дореволюционным традициям, создание послевоенной Советской империи. Режим, ориентируясь на положение в Российской империи, сознательно и весьма последовательно поднимал престиж ученого и специалиста. Заработная плата инженерно-технических и научных работников начинает превышать доходы рабочих. К 1930-м гг. даже оклады учительства становятся выше средней заработной платы по стране. Пик материального благополучия представителей интеллектуальных профессий, когда заработная плата интеллектуалов наиболее значительно превышает доходы рабочих, приходится на середину 1950-х гг. Именно в это время советская интеллигенция во многом приблизилась к своему дореволюционному статусу [4, с. 152]. И это становится немаловажным фактором того, что старая интеллигенция становится одним из явных сторонников режима. Кроме того, она оказывалась более восприимчивой к повороту властей к великодержавности, нежели сформировавшаяся в традициях интернационализма новая интеллигенция 1920-х гг. Поэтому после окончания Второй мировой войны, в условиях начавшейся холодной войны, склонные к западному влиянию (вследствие своего интернационализма) новые интеллектуалы становятся главными жертвами кампании против космополитизма. И это приводит к расколу в рядах новой интеллигенции. Одна ее часть поддержала антизападные настроения властей, другая не восприняла обращение к русским национальным ценностям и встала в глухую оппозицию к режиму.

Впрочем, наблюдавшаяся в последние сталинские годы некоторая устойчивость в интеллигентских кругах была похоронена Н. С. Хрущевым. В хрущевский период происходит определенное возвращение к интернационализму (возможно, данный поворот был вызван самой личностью нового лидера, сформировавшейся в 1920-х гг.). Эти веяния были созвучны настроениям части новой интеллигенции,

не разделявшей великодержавность сталинского режима. Появляется поколение «шестидесятников», которые, хотя и продолжали считать себя коммунистами, но все больше воспринимали западные ценности. Конечно, отношениям «шестидесятников» с властью сильно вредили зигзаги Н.С. Хрущева, его колебания из крайности в крайность. Но все же именно «шестидесятники» были, пожалуй, единственной страдой общества, негативно воспринявшей падение Н. С. Хрущева.

Роднит хрущевский период с 1920-ми гг. и стремление к «выдвиженчеству». Возрождается практика определенных льгот для выходцев из рабоче-крестьянской среды при поступлении в вузы (что неизбежно вело к снижению уровня знаний будущих студентов), проявляется тенденция к ухудшению материального уровня обеспечения интеллигенции. При Н. С. Хрущеве идет активный процесс профанации высшего образования. Происходит резкий рост численности студенчества, который сочетается с серьезным ухудшением его качественного состава. Особо тяжелые последствия это имело для советской науки: идет расширение штатов научно-исследовательских структур, в науку приходят люди, не имеющие ни необходимого багажа знаний, ни призвания к научной работе. В конце концов это привело к изменениям далеко не в лучшую сторону качественного состава интеллигенции. Способствовала нарастанию данных негативных тенденций и непродуманная хрущевская реформа образования. Именно выходцы из «хрущевского призыва» заняли к концу 1970-х — началу 80-х гг. в силу естественных процессов руководящие посты в научном сообществе.

Во многом данные явления были результатом возвращения при Н. С. Хрущеве «полумахаевского» отношения власти к интеллигенции. Именно тогда вновь, как в первое десятилетие Советской власти, стало преобладать обесценивание интеллектуального труда, явно возродились тенденции к дискредитации интеллектуальной элиты. Н. С. Хрущев сознательно и открыто унижает интеллигенцию в сравнении с рабочим классом. Социальный престиж квалифицированных работников, начиная с хрущевских времен, последовательно снижался.

Еще одной особенностью хрущевского десятилетия становится феминизация целого ряда интеллектуальных профессий. Это относится в первую очередь к образованию и медицине.

Идет при Н. С. Хрущеве и очередная волна «коренизации» и «национализации» интеллигентских кадров. Это опять же роднит хрущевскую эпоху с 1920-ми гг. Данная линия мало чем отличалась от политики «орабочивания» интеллигенции. И реализуется теми же методами: путем предоставления различного льгот при поступлении в вузы. Происходит этот процесс во многом в ущерб качеству подготовки кадров.

Данные особенности подготовки высококвалифицированных кадров при Н. С. Хрущеве были опять-таки связаны с пропагандистскими соображениями. И имели немалые негативные последствия: наблюдаются профанация интеллектуального труда, образования, снижение общественного престижа и статуса интеллигенции. Подобная линия проистекала из представления об интеллигенции как «классово-неполноценном» элементе общества, который именовался «прослойкой».

К тому же разоблачение «культа личности» если и привело к определенной переоценке ценностей, но в целом мало что изменило в отношении открывающихся перед интеллигенцией творческих перспектив. Явно негативный характер носили и постоянные, некомпетентные и грубые по форме попытки вмешательства Н. С. Хрущева в дела культуры. Дискуссии вокруг журнала «Новый мир» и «дело Пастернака» весьма четко показали границы либерализации в отношениях между властью и интеллигенцией [2, с. 130–131] и вызвали серьезный кризис в сознании советских интеллектуалов, осознавших, что они не в состоянии открыто противостоять власти. Интеллигенция была вновь просто вынуждена приспособиться к новому идеологическому курсу.

Сохранению подобной линии в 1970–80-е гг. в немалой степени способствовала и весьма настороженная позиция по отношению к интеллигенции главного идеолога партии М. А. Суслова. Хрущевская политика была отвергнута, но возвращения к позднесталинскому периоду так и не произошло. В итоге деградация интеллектуального слоя в советском обществе, начавшаяся при Н. С. Хрущеве, к началу 1980-х гг. стала фактом. Регресс в интеллектуальной среде остановить не удавалось, хотя власть относилась к интеллигенции уже не враждебно, скорее равнодушно, пытаясь отмахнуться от идейных противоречий, довольствуясь внешней лояльностью. Однако разочарование несостоявшейся либерализацией породило столь скептические на-

строения среди интеллектуальных кругов, что создало условия для такого нового явления, как диссидентство.

Здесь надо помнить, что именно интеллигенция, специалисты и служащие среднего звена играли в Советском Союзе роль среднего класса. Они считали себя более компетентными, нежели вышестоящие чиновники, поэтому стремились «вырваться из тесных авторитарно-индустриальных рамок современного общества» [14, с. 33–34]

Кроме того, научно-техническая революция уже стала важным фактором, который влиял как на жизнь советского общества, так и на интеллигенцию. Она не только породила особую престижность научных профессий, но и создала своеобразную духовную атмосферу «научно-технического романтизма». В итоге в деятельности советской интеллигенции огромное значение приобретают нравственные категории: события оценивались прежде всего с точки зрения их справедливости [11, с. 352].

Поэтому появление диссидентства можно охарактеризовать как определенное возвращение к нравственным ценностям, свойственным еще дореволюционной интеллигенции, но уже в совершенно иной социальной обстановке. Дело в том, что немалая часть советской интеллигенции брежневского периода уже не воспринимает всерьез коммунистические идеалы, но продолжает оставаться на позднесталинских антизападных, патриотических позициях. Наиболее ярко эта линия выразилась в движении «писателей-деревенщиков». Но большая часть интеллигенции, причем самая социально активная, состоящая из «шестидесятников» и их последователей, представляла западническое течение. Она постепенно встала на путь полного принятия западной точки зрения на мировой процесс, отрицая советский опыт. Надо заметить, что активная часть «шестидесятников» воспринимает брежневский режим уже как враждебный. Именно так появляется диссидентство. Впрочем, подавляющее большинство прозападной интеллигенции никак не показывает свою оппозиционность, оставаясь в политическом плане пассивной. Более того, «шестидесятники» находят определенную опору во власти, формируя прослойку разного рода номенклатурных консультантов и советников (именно из них и вырастает «пятая колонна» времен перестройки). Вера в коммунистические идеи приобретает у прозападной интеллигенции ритуальный характер, многие «шестидесятники» цинично вступают в партийные ряды исключительно из карьерных соображений. Сама власть, нуждаясь

в услугах интеллигенции, развращает приближенную к себе часть интеллектуалов подачками и наградами. В творческой среде формируются настроения иждивенчества и меркантилизма, исчезает достоинство и нравственная стойкость, способность отстаивать свои идеалы. Многие представители обласканной властью элитной интеллигенции постепенно теряют нравственные качества, утрачивает высоконравственное культурное призвание, формируя «номенклатурную интеллигенцию», которая на словах горячо поддерживая коммунистическую идеологию, была готова ради материальных выгод быстро сменить свою позицию (что и произошло в начале 1990-х гг.).

Подобный дрейф в сознании российской интеллигенции во многом ведет свое начало именно из противоречий, возникших в конце 50-х — 60-е гг. в советском обществе. Речь идет о конфликте между возросшей ролью интеллигенции в общественном производстве, ведь наука становилась производительной силой, и падением социального статуса интеллигенции. Последнее было связано с заметно снизившимся уровнем материального обеспечения интеллигенции по сравнению с рабочим классом. Уже к началу 1970-х гг. заработную плату ниже рабочих имеют почти все представители интеллектуальных профессий. Становится ясно, что высшее образование перестало быть тем ключом, что открывал дорогу к материальному благополучию. Слово «инженер» стало в брежневский период синонимом слова «нищий», ведь доходы представителей инженерного корпуса были существенно меньше, чем у рабочих. В схожем положении находились и самые массовые интеллектуальные профессии — учителя и врача [9, с. 431]. Помимо этого, и общественные фонды потребления удовлетворяли в основном нужды представителей рабочего класса. В результате профессии умственного труда теряли свой былой статус, что вызывало вполне понятное недовольство интеллигенции и, что было весьма тревожнее для властей, нежелание работать по вузовской специальности. Последствия этого не заставили ждать. Происходит резкое увеличение слоя «рабочих-интеллигентов» — лиц с высшим образованием на рабочих должностях, что явно говорило о нерациональном и неэффективном использовании научно-технического потенциала общества, ведь нередко единственной привлекательной чертой в положении советского интеллигента оставалась возможность заниматься хоть и скудно оплачиваемой, но не физической и грязной

работой. Наблюдается и замедление научно-технического прогресса: этот процесс достиг своего апогея к 1980-м гг.

И еще, несмотря на то, что интеллигенция в послевоенный период качественно и количественно росла, ее функции усложнялись, менялась ее доля в составе различных профессиональных групп, эти перемены не носили принципиального характера. Положение интеллигенции в социальной структуре не претерпело существенных изменений, и она оставалась «промежуточным, межклассовым слоем» [13, с. 204].

Анализируя создавшееся положение, следует помнить, что советская интеллигенция была в первую очередь интеллигенцией технической. Или, как ее чаще называли, научно-технической. Именно это обстоятельство заставило одного из поэтов воскликнуть: «Что-то физики в почете». Эта новая интеллигенция создала мощную экономику сверхдержавы, вывела Советский Союз в число ведущих стран, сделала примером для развивающихся народов.

Однако новые условия постиндустриального общества, когда был востребован массовый интеллектуальный труд, привели к значительному численному росту интеллигенции. Фактически численность людей, занятых интеллектуальным трудом, к 1980-м гг. достигла едва ли не четверти всего трудоспособного населения Советского Союза. Такой рост был явно гипертрофированным. Удельный вес интеллигенции в составе населения увеличился столь значительно, что это подрывало возможности хоть какого-то ее внутреннего единства.

Конечно, во многом это стало результатом доступности образования. Подготовка специалистов и связанное с этим процессом увеличение числа учебных заведений имели, помимо прочего, и еще одну цель — лишить интеллигенцию своего относительного привилегированного положения. Темпы подготовки специалистов, особенно технического профиля, опережали истинные потребности общества и экономики. Нередко они были вызваны политическими соображениями. Но интеллигенция, пережив количественный рост, потеряла в качестве. В обществе теперь превалировало не противопоставление «невежество — культура», а «массовая культура — культура истинная». Подобные перемены не могли не сказаться на интеллигенции. Она распалась на массу тех, кто только в силу занятия интеллектуальным трудом может быть назван интеллигентом, и отдельных личностей — действительных интеллигентов.

Таким образом, с разрушением структуры интеллигенции размылся и термин «интеллигенция». Уже в конце советской эпохи вряд ли было возможно определять интеллигента по уровню образования. Нередко главным для установления интеллигентности становились порядочность, чувство собственного достоинства. Это свидетельствовало о том, что интеллигентность стремилась стать нормой для немалой части общества. Вместе с тем это говорило и об исчезновении интеллигенции в первоначальном понимании этого термина, что было вызвано отмиранием ее функции в обществе. Интеллигенция была оторвана от реального дела социальных трансформаций, что неизбежно вело к усилению оппозиционных настроений в интеллектуальных кругах. К тому же образованная страта советского общества была и наиболее идеологизированной. Ее образование и статус были напрямую связаны с идеологией, поэтому в глазах советских рабочих и крестьян значительная ее часть была заодно с режимом. И это вызывало определенную отчужденность интеллигенции как от власти (от которой она пыталась безуспешно дистанцироваться), так и от народа.

-
1. Бажанов В. А. Восхождение к абсолютной власти: большевики и социалистическое государство в 20-е годы. Минск : Тесей, 2004.
 2. Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 122–135.
 3. «За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...» (Интервью Е. М. Раскатовой с В. С. Меметовым) // Интеллигенция и мир. 2014. № 1. С. 9–29.
 4. Зезина М. Р. Складывание командно-бюрократических методов руководства культурой // Режим личной власти Сталина. К истории формирования. М. : Изд-во Московского ун-та, 1989.
 5. Красная эра. О советском периоде в истории России // Завтра. 2014. № 19.
 6. Левин М. Советский век. М. : Европа, 2008.
 7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М. : Изд-во политической литературы. Т. 39.
 8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.
 9. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М. : Финансы и статистика, 1987.
 10. Пайпс Р. Россия при большевиках. М. : РОСПЭН, 1997.
 11. Скотов Н. О культуре / сост. Ю. Б. Зобнин. СПб. : СПбГУП, 2010.
 12. Сталин И. В. Соч. Т.18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006.
 13. Федюкин В. А. Партия и интеллигенция. М. : Политиздат, 1983.
 14. Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М. : Вече, 2008.